

Н. В. ЯКОВЛЕВ

Пошехонская старина М. Е. Салтыкова-Щедрина (Из наблюдений над работой писателя)

<Фрагменты>

<...> Салтыков-Щедрин хорошо понимал, что язык принадлежит к числу тех основных даров, которые каждый человек получает от своей родины. Он считал, что «отечество» есть тот «живой организм», который наделяет человека «способностью мыслить и чувствовать», образует его «привычки», дает ему «язык, верования, литературу» (XIII, 153)*. Он видел в языке первое условие общности. «Первый признак, по которому мы сознаем себя живущими в обществе, — писал Щедрин, — есть живая человеческая речь» (X, 299).

<...> Салтыков-Щедрин отмечал зависимость его от общества и вместе с тем воздействие на общество мощного человеческого слова, в особенности художественного. Он указывал на «изменения, которые вносит жизнь в известные выражения» (IX, 174). Он говорил о «животворящих свойствах слова» и чуть ли не самым мощным двигателем прогресса считал литературу (XIII, 219).

В произведениях Щедрина разбросано множество глубоких и метких наблюдений и замечаний о языке, слоге и стиле. Он не проводил строгого научного разграничения этих понятий, но от этого его высказывания отнюдь не утрачивают своего значения и интереса. Он писал о «холопском языке» в русской буржуазной печати (XVI, 702) и о «паразитском» «слоге» во французской буржуазной журналистике (V, 210), о «языке старых русских романов» (II, 311) и о «жемчужном слоге» (*Style perlé*) романа «Князь Серебряный» (V, 302–303); о «высоком купецком слоге» (XI, 220) и о «биржевом языке» (XII, 313). У него находятся еще и такие выражения, как «консервативно-околоточный язык» (XIV, 289), «благонамеренные мысли и речи», «съезжие мысли и речи» (XIV, 481; XV, 562), «фразеология изменника» (XIII, 235), «распутная фраза» (XIII, 408) и т. д.

---

* В скобках — ссылки на Полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина (1934–1941). — *Прим. ред.*

Сам великий сатирик относился к слову в высшей степени строго и честно и стремился в своем языке и стиле добиться наибольшей народности и реализма. Для этой цели ему служили, между прочим, и сокровища русского народного творчества, и вековые запасы хозяйственной и трудовой терминологии великого работника и творца — русского народа, и огромные скопища грубого и пошлого крепостнического и буржуазного бытового просторечия.

<...>

Еще в середине пятидесятых годов Салтыков-Щедрин сделал себе выписку пословиц и поговорок из сборника Буслаева и пользовался этими материалами не только в ту эпоху — в «Невинных рассказах», «Смерти Пазухина» и других, — но и в самом конце своего творческого пути — в «Пошехонской старине». Но наряду с книжными источниками писатель еще с детства овладел немалым народно-поэтическим наследием, равно как и материалами грубого крепостнического просторечия. При этом оказывалось, что и лучшие образцы «великого и свободного, правдивого и могучего русского языка» (Тургенев) получают в устах крепостников недостойное применение. Это Щедрин и вынужден был не раз показать в своей «Пошехонской старине». Так, прежде всего мы видим, что сокровища русского народного творчества — богатый запас пословиц и поговорок — служат в устах предводителя Струнникова целям обмана и вымогательства и превращается из перлов народного языка в грубейшее просторечие.

Струнников сам о себе говорит: «Я — простыня-человек». Он не платит письмоводителю денег, утешая его поговоркой, что тот «один, как перст». Он спрашивает Корнеича, «какого еще рожна нужно» ему. Когда «нелегкая принесла» Федула Ермолаева, Струнников встречает его самым ласковым образом: «Сколько лет, сколько зим! Садись, брат, гостем будешь!» Он острит, что у Ермолаева «денег куры не клюют», и запрашивает большую сумму за лес, который тот хочет купить. На возражение Ермолаева, что это «много денег», Струнников говорит: «Заладила сорока Якова, много денег». Продолжая дальнейший торг, Струнников запоминает, что «уговор пуще денег». Когда Ермолаев захотел вычестить весь свой долг, «простыня» Струнников отвечает: «Шутишь! Я, брат, и сам с усам!» Он вычитает только часть долга, а остальные деньги обещает «на том свете калеными орехами отдать». В последовавшем за этим разговоре с женою Струнников объяснил ей, что продаваемый лес Красный Рог находится там, «не доходя прошедши». Александра Гавриловна удивлена, что Ермолаев покупает никому не нужный лес. Струнников поясняет ей, что «и на старуху бывает поруха». Когда жена требует,

чтобы он заплатил за ее наряды московским портнихам, Струнников отвечает: «непременно... после дождичка в четверг».

Сильнейшим соперником Струнникова в деле словесного шутовства, с широким использованием русских сатирических пословиц и поговорок, является Корнеич. Он говорит: «вот теперь лето, запасаемся всякого нета, а зимой будем жить богато, со двора покато»; «бедняк что муха: где забор, там и двор, где щель, там и постель»; «человек божий, обшит кожей, покрыт рогожей, издали ни то, ни сё, а чем ближе, то гаже»; «борода глазам замена, кто бы плюнул в глаза, плюнет в бороду»; «чужую беду — руками разведу»; «беда — не дуда, станешь дуть — слезы идут». Так богатства русского народного остроумия получают свое шутовское применение в устах народных захребетников.

В семье Затрапезных пословицы и поговорки бытуют повседневно и получают при этом самое разнообразное применение. Василий Порфирыч и его многочисленные сестры широко пользуются в своих разговорах фольклором.

Вспоминая о своей прежней спокойной холостой жизни, Василий Порфирыч приводит разом две пословицы: «близок локоть, да не укусишь» и «от добра добра не ищут»; о своей жене он говорит: «у тебя была бы спина, а то будет и вина»; видя ссору жены со старшей дочерью, он иронически замечает: «то целуются да милуются — и лен неделен, то как собаки грызутся».

Сестрица Ольга Порфирьевна спрашивает Анну Павловну, «белены (она) что ли обьелась?» Сестрица Раиса Порфирьевна оптимистически рассуждает, что «нет худа без добра». Братец Федос откровенно заявляет, что у него «ни кола, ни двора».

Но особенно богат народными поговорками язык сестрицы Анфисы Порфирьевны. Когда мальчик бросился защищать мучимую тетенькой девочку, варварка злобно говорит, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят» (то же самое замечает и Раиса Порфирьевна, только благодушно). Убеждая Анну Павловну принуждать крестьян к работе, Анфиса Порфирьевна прибавляет: «а, впрочем, что мне тебя учить, ученого учить — только портить». «Набавляй (оброки), — твердит она, — чем больше их стрижешь, тем больше они обрастают». Она говорит, что Анна Павловна «купила кОко с соком». О муже своем она выражается: «что ему, псу несытому, делается?» Она жалуется, что муж ее «в раззор раззорил». Когда ее побочный сын Фомка стал выпрашивать у нее заемные письма, она сразу заподозрила, что он хочет «дать стречка», и писем не дала, ибо «береженого и бог бережет».

Савельцев-отец, отягощая крестьян, оправдывается тем, что «своя рубашка ближе к телу». Савельцев-сын грозитя Улите: «кровь вы-

пью!», «жилы вытяну!»; дворовым он угрожает «развязать языки», обещает им, что «за ним не пропадет».

С Анной Павловной Затрапезной мы переходим в купеческий мир. Здесь в еще большем ходу пословицы и поговорки.

Отец ее, дедушка Павел Борисович, характеризует Наполеона I русской пословицей: «мала птичка, да коготок востер». Он дважды вспоминает о том, как француз на Москве «кутил да мутил». Спрашивая внуков о том, как они учатся, и услышав в ответ, что «слава богу», он подхваливает: «Слава богу — лучше всего». То же повторяет он и после рассказа Любягина о том, что его сын, командир воинской части, слава богу, благополучно прошел через инспекторский осмотр. Когда дочка его, Федуляева, ужасается, что взрослых французов собираются крестить совсем нагими, Павел Борисович отвечает: «стыдись не стыдись, а коли назвался груздем, так полезай в кузов». Признание приказного Клюквина в том, что он пострадал во время ревизии, вызывает у дедушки остроу: «узнал тогда, как Кузькину мать зовут».

Братец Григорий Павлович характеризует свою сестрицу, Федуляеву, пословицей: «Балахня — стоит рот распахни». Когда Василий Порфирыч вздумал объяснить своей дочери Надежде, в присутствии жениха Стриженого, что «мздоимцы» (взяточники) — это нечто вроде Иуды, Григорий Павлович бормочет сквозь зубы: «Попал пальцем в небо». На слова Стриженого, что он «от судьбы не прочь», дядя шутит: «от суммы да от тюрьмы не отказывайся, говорит пословица, так же точно и от судьбы». Это тем более к месту, что им обоим — и жениху-интенданту, и дяде-ростовщику — «сума» и «тюрьма», очевидно, не раз угрожали за их хищничество и были гораздо страшнее для них, чем «судьба», т. е. в данном случае женитьба.

Сама Анна Павловна превосходит и отца и мужа по части использования в своей речи фольклора. «Приказывая» повару Тимофею обед, она замечает, что если от бараньей ноги ничего отскоблить нельзя, то «на нет — и суда нет», что «без пути ягода плесневеет» и т. д. Опасаясь приезда гостей, она приговаривает: «Гость не вовремя хуже татарина». Обращенную к беглому солдату гневную речь свою она заканчивает энергичным восклицанием: «вот и вся недолга!» (это выражение употребляет и ее отец). Слушая разглагольствования своего старого мужа за столом, она презрительно бросает ему, что ей некогда «на бобах разводить». Она часто употребляет выражение «держи карман», а также «вынь да положи». В Заболотье ее восхищает то, что там в лавках «только птичьего молока не достать». Вырвавшись из «гостеприимного» Овсецова, она с облегчением восклицает, что больше ее туда «калачом не заманят». Свалившегося вдруг как снег на голову

Федоса она спрашивает, зачем он отправился «за две тысячи верст киселя есть». Видя нежелание Федоса подниматься к ним наверх, она обиженно замечает: «была бы честь приложена, а от убытка бог избавил» («приложить честь» — значит пригласить к себе в гости).

На рассуждения своего отца о том, что в теплых землях лимоны и апельсины дешевы, Анна Павловна отвечает: «за морем телушка полушка, да рубль перевозу». Услышав о том, что братец ее ругательски ругал, она философски отвечает: «Ну, брань на ворота не виснет». Возмущаясь тем, что свахи не находят женихов, она восклицает: «Неужто ж Москва клином сошлась?!» Она обвиняет сваху в том, что у той только одни «шалды-балды». Представляя свою дочку жениху, она повторяет традиционную формулу: «прошу любить да жаловать». Когда Надежда влюбилась в некоего Еспера Клещевина — смесь байронического героя с шулером, — Анна Павловна пережила мучительную ночь. То ей чудилось, что дочка сбежала и брильянты с собою унесла. «Скатертью дорога!» — восклицает маменька, которая никак не может отделить любовь к дочери от забот о брильянтах. То ей представлялось, что дочка «придет с обтрепанным подолом, как последняя...» Она решает «за добра ума» увезти дочку в деревню. Когда знакомые дамы приезжают с визитами и начинают злословить насчет Надежды и Клещевина, Анна Павловна мысленно восклицает: «ну пошла толчея толочь».

Похвалы Кузьмы на постоялом дворе ее «уму» она отводит половицей: «рано пташечка запела, как бы кошечка не съела». Ее несколько не убеждают ссылки мужа на «божью волю», когда во время осенних дождей «вороха невейные стоят»: «Надо меры принимать. Под лежащий камень и вода не течет!» О Мавруше Анна Павловна не может думать без возмущения, потому что та «палец о палец ударить не хочет». Очень ловко распоряжается Анна Павловна одной и той же половицей в разных случаях. Когда ей нужно отговорить Конона от женитьбы, она дипломатично приводит только первую половину пословицы: «без тебя как без рук». Когда она хочет прогнать попрошайку Корнеича, она приводит всю пословицу целиком: «без тебя как без рук — и плюнуть не на что». Размышляя об отношениях помещиков и крестьян, Анна Павловна невольно становится рупором последних, когда повторяет знаменитую народную формулу: «отольются кошке мышкены слезки».

Талантливый Степан на лету подхватывает все, что слышит в доме, на дворе, в деревне, в городе. Он, так же как и тетенька Анфиса Порфирьевна, называет Малиновец «золотым дном», явно не понимая еще ценности оброчных имений, Степан продолжает: «вот Заболотье —

и велика Федора, да дура». Об отце он выражается: «только слава, что отец», о матери — «у нее губа не дура». Он боится, что мать ушлет его к «тотемским чудотворцам (то есть в дальний монастырь) как пить даст», но в то же время мечтает, что вдруг маменька отдаст ему Бубново с деревнями — «катайся, каналья, как сыр в масле...» Есть у Степана в запасе и «французско-нижегородская» пословица: «тут и манже, и буар, и сортир» (тут и на выпивку, и на закуску, и на гулянку); нечто сходное, но более облагороженное представляет пословица: «тут и в пир и в мир», которую приводит Марья Маревна Золотухина. Салтыков-Щедрин впервые привел эту пословицу в своем раннем рассказе «Обманутый поручик» («Невинные рассказы»), Степан собирается «жить в любви» с дедушкиной «кралей» Настасьей. Тогда уж «наше дело в шляпе», дедушкин миллион достанется им, Затрапезным, а не «Гришке Отрепьеву», как прозвал своего дядю Степан. Степан присвоил Ивану-цирюльнику кличку «Ваньки-Каина».

Крестьяне и дворовые даны в «Пошехонской старине» главным образом в их отношениях с господами, а не между собой. Это, конечно, связывает их речи, не дает им возможности выявить свое речевое богатство. Даже «богатеи» ведут себя по отношению к господам как рядовые крепостные. Принимая у себя барыню, заболотские торговцы говорят: «не купленные ноги-то — и постоим». Федул Ермолаев держится также достаточно скромно. Он говорит Струнникову, что у него «дела, как сажа бела», что лес ему «не к рукам».

После бегства Струнниковых за границу явившийся к ним в усадьбу Ермолаев видит, что они «ни ложки, ни плошки не оставили». «Плакали наши денежки!» — восклицает он.

«Языкастая» Акулина, утешая Матренку, объясняет ей, что ведь приезжий жених «ни дай, ни вынеси за что, должен чужой грех на себя взять». Старосту Федота Акулина метко определяет, сказав, что он в Малиновце «всю подноготную знал». Отчаянный Кирюшка-столяр прямо в лицо барыне бросает, что вино ему «сорока на хвосте принесла». Сатир-скиталец вежливо объясняет господам, что он проводил «где ночь, — где день». Лакей Струнникова докладывает барыню, что письмоводитель Синегубов «не годится».

Но, повторяем, дворовые и крестьяне выступают в «Пошехонской старине» преимущественно в их отношениях к господам, поэтому настоящего русского народно-поэтического богатства они не имели возможности здесь обнаружить.

<...>

Устами героя книги «Убежище Монрепо» Салтыков-Щедрин однажды признал, что с детства слышался «сельскохозяйственных

терминов в крепостном вкусе» (XIII, 33). В «Пошехонской старине» он в полной мере проявил свое знание «терминологии» крепостного быта и сельского хозяйства, как в повествовании Никанора Затрапезного, так и в речи действующих лиц (Герасима, Федота, Пустотелова и др.). Попытаемся набросать эту картину старой русской крепостной жизни при помощи словаря «Пошехонской старины».

Здесь перед нами прежде всего основные термины «в крепостном вкусе»: «душа», «тягло», «барщина», «изденье», «оброк», работа «поголовно», работа «брат на брата», так называемая «помочь», «кортома», «месячина», «новина» и др.

В крепостном быту рождаются выражения: господа «гневались», слуги «прогневлили», господа наказывали «за дело и без пути», крестьяне «не гуляли», мелкопоместные дворяне «т'игосили» крестьян (слово «т'игосить» определяется у В. И. Даля как московское областное; означает оно «давить, жать, угнетать»); аристократические владельцы «Отрады» не «шильничали», были «чивы» (слово «шильничать» значит — «плутовать, жилить», у Гоголя Ноздрев обзывает Чичикова «шильником»; слово «чивый» значит «щедрый, тароватый»).

В праздник даже образцовый староста «не годился»; дворня от плохой пищи «валялась животами»; лакей «не так ступил»; девки — «беспорточная команда»; девушка, обучавшаяся в Москве, на Кузнецком мосту, «кузнечиха»; девушка, привезенная из дальней деревни, — «привезенка»; «девка» могла оказаться «с прибылью» или «с кузовом», ее ребенка отдавали «в дети» крестьянам в деревню и т. д. и т. п.

Очень любя природу и сельское хозяйство, Салтыков-Щедрин говорит о них здоровым, крепким языком русского земледельца. Год выдался «задашный», «солнышко заиграло», «время вёдреное», «ягод обору нет», «рожь налила, подсыхать начинает», «яровое отлично всключилось», «овсы выкидываются», «лён выскочил теша щеткой», «зерно не утекает», «рожь уже обозначилась: сам-сём, сам восемь ожидать можно», «пробные умолоты оказались превосходными».

На сенокосе работа «идет споро», косцы «махров» не оставляют, косят, пока «трава не обсохла», «сухую траву коса не споро берет», «косцы позамялись, начали приставать», «сено звонкое», «навили целый воз» и т. д. и т. п.

Осенью «две десятинки вычистили, навозцу подбросили», «надо под озимь двоить паровое поле»; «бабы уж выколотили льняное семя и намяли льну», «масла и избоины — всего будет вдоволь»; «избоиной хорошо коров с новотелу подкармливать»; «лен-стланец раздадут на пряжу». «У хозяек» настоящая «припасуха» «пошла в развал»; в чуланах вороха мякины и пелёвы; рубят капусту, верхние листы

отделяют для «серых щей», а плотные кочки откладывают на «белые щи» и т. д. и т. п. Хозяева рады, что удалось «свершить год». В октябре земля «закоченела», «чернотоп оказался отличный».

О мире животных говорится также сочным народным языком: «бык как будто храмлет»; «старый коренник припадать начал», «молодые лошади еще не съезжены»; «кобылка на выводке шалит»; стоявшая в конюшне «на сухом корму», шестерка караковых жеребцов бешено мчит четвероместную коляску, «пристяжные завиваются, дышловые грызутся и гогочут»; «в старую-старую долгушу-трясучку» запрягают маленькую «саврасую лошадку», у которой «верхняя губа побелела от старости». «Мужичок-крепыш» «нагуливает в пустошах скотинку», «торгует валошами» (волами) и т. д. и т. п.

Хотя речь здесь идет не о крестьянском, а о помещицком и кулацком хозяйстве, но все же «мужицкий демократ» Салтыков-Щедрин смотрит на огромный земледельческий труд русской крепостной деревни с уважением, сочувствием и даже радостью, если этот труд не пропал даром, увенчался хорошим урожаем, который не весь же поглотят народные захребетники.

Прекрасное знание писателем русской сельскохозяйственной терминологии немало помогает реализму и народности хроники. А ведь Щедрин усвоил весь этот словарь еще в отроческие годы и нерушимо хранил в сокровищнице своей памяти целые полвека, пока не пустил его в художественный оборот!

<...>

Тем же целям реализма служит и еще одна черта в речи действующих лиц «Пошехонской старины». Характеристика крепостного захолустья создается, между прочим, и путем весьма искусного насыщения этой речи элементами грубого и тяжелого просторечия. На первое место выделяется здесь лексика, словарный состав. Особое внимание привлекают к себе в этом плане наречия, предлоги, союзы, междометия. Они правдиво свидетельствуют об отсталости пошехонского быта. Все это наблюдается совершенно одинаково среди всех слоев общества, сословий и профессий, представленных в произведении Салтыкова-Щедрина.

«Ты что *давеча* Аришке про каторгу говорил?» — спрашивает Федоса Анна Павловна. «К арбузам *давеча* не приценялся?» — спрашивает Ипата Павел Борисович. То же слово употребляет и братец Григорий Павлович. «*Давеча* губернатор с бумагой взошел», — говорит и предводитель Струнников.

Узнав об осуждении Николая Савельцева, помещики заговорили: «*Теперича* эта история разошлась везде». После отказа дворян

от своих «прав», они прибавляли: «ведь нам *теперича* в усадьбы свои и носа показать нельзя». То же слово употребляет и ключница Акулина в своих спорах с Аннушкой: «*Теперича* праздник, так и барыниных приказаний исполнять не следует?!»

«*Намеднись* я у Забрóвских была», — рассказывает Анна Павловна. «*Намеднись* у Голубовицких сосиски с капустой подавали», — вторит матери Надежда. «*Намеднись* я слышал, как мать Алемпию говорила», — повторяет и Степан. Интендант Стриженный негодует, что протопоп в церкви *намеднись* о мздоимцах (взяточниках) начал «распространяться». У Струнникова это слово не сходит с языка. И сам рассказчик Никанор Затрапезный, описывая финансовые затруднения Струнникова во время крестьянской реформы, говорит: «*Намеднись* сунулся он к Ермолаичу...» То же слово равным образом бытует и в народной среде. Герасим «*намеднись*» говорил о клочке земли с покосом. Сатир рассказывает, что «*намеднись* встал (он) ночью с ларя»... Настасья передает, что «сказывал *намеднись*... лакей, будто *окол* миллиона денег найдутся у дедушки». Попутно отметим и предлог *окол* (вместо «около»), встречающийся в «Пошехонской старине» очень редко.

Анна Павловна говорит «*завсегда*», горничная Агаша — «*завсе*», Акулина с Ванькой-Каином — то и другое. Обращаясь к бунтовщице Аннушке, Акулина указывает: «ты *завсегда* говоришь», «ты *завсе* без ума болтаешь».

Наречие «*зараньше*» употребляет и сам Никанор Затрапезный, рассказывая о посещении Ермолаевым Струнникова: «кабы *зараньше* предвидеть этот визит».

Тетенька Мария Порфирьевна огорчается, что в девичьей «не *токма что* песню спеть, а слово молвить *промежду* себя бояться». Федот хочет дело о висельнике «*промеж* себя рассудить» с Анной Павловной. Федот говорит: «*об эту пору*». Анна Павловна говорит: «*через это*». Беглому солдату она угрожает, что его прогонят «*скрозь* строй». Московский фактор Затрапезных крестьянин Стрелков, вместо «потому что» произносит «*почему что*». Федот говорит «год *ноне* ранний». Акулина докладывает, что «тут *недалечко* во ржах» видели беглого солдата. Ванька-Каин повествует о том, как он «*однова* ездил на Моховую». Анна Павловна в беседе с женихом дочери приглашает его «*напредки*» их посещать. Во время крестьянской реформы дворяне с огорчением рассуждают, что сейчас дают «права» рабам, а уж им самим «*опосля*». Областной предлог «*окромья*» употребляют Ермолаев и Стрелков. «И мука, и крупа, и горох, *окромья* всего прочего, все в ихних руках состоит», — характеризует Стриженого Стрелков.

Наречие «ужо́» употребляют Анна Павловна (очень часто), жена Пустотелова, Раиса Порфирьевна, Степан, Николай Савельцев, а также и Акулина, девушка Паша, крестьяне.

Анна Павловна то приказывает «*непрерменно* изловить беглого солдата», то рассуждает о том, что «*беспрерменно* раскрыть надо», откуда дворовые вино достают. Сваха Мутовкина заверяет, что жених хочет «*беспрерменно* жениться». Стрелков сообщает, что Стриженный «к Святой (неделе) *беспрерменно* настоящим генералом будет». Матренка убеждена, что барыня «*беспрерменно* выдаст ее замуж за Егорушку» и т. д.

Староста Федот употребляет наречие «*благо*». Староста Осип докладывает, что Ольгу Порфирьевну «кашель *дюжо* одолел». На упреки в том, почему он в церкви не крестится, Конон отвечает: «так *слвно*». Помещица Пустотелова спрашивает мужа, «что сегодня *больно* рано» вернулся с поля? Анна Павловна считает притворством, когда дворовые «ходят, тихони, ровно святые». Анфиса Порфирьевна огорчается, что «*невстунно* двадцать лет подьячие вокруг нее кормятся». Лакей Василия Порфирыча говорит «*шибко*», а сам он — «*шибче*».

Союз *инда* употребляет Пустотелое: «*инда* тоска возьмет». Анфиса Порфирьевна твердит, что «будь *хошь* исправник, *хошь* раз-исправник», а должен сделать по ее желанию. Анна Павловна требует от крестьян: «*хошь* на ладонях у себя вывейте зерно».

Ванька-Каин и староста Терентий говорят «*почесть*». Дедушка Павел Борисыч говорит: «*не способно*», «*ништо*». Довольно случайно как будто получилось у Салтыкова, что такое ходовое словечко, как «*авось*», мы слышим едва ли не из уст одного Павла Борисыча. Зато слово «*небось*» встречается в речи Анны Павловны, Степана и других детей, Струнникова, Пустотелова, Корнеича, у Аннушки, Акулины и других дворовых.

Федот говорит «*за-радость*», заболотские богатеи «*за-редкость*». Анна Павловна пользуется повторами, свойственными народному творчеству, когда чуть не причитает: «за ласки за мои».

Вводное слово «*стало быть*» чрезвычайно широко употребляется лицами всех сословий, профессий, возрастов. То же надо сказать и о союзах «*коли*» (если) и «*ан*». «Поедешь к невесте, — рассказывает отец Василий, — *ан* она с изъяном». «Смотришь, *ан* польза», — восклицает подьячий Могильцев.

Крайне простонародный характер придают речи действующих лиц также и такие вводные словечки, как «*чай*» и «*мол*». «*Чай*, думаешь, скоро отец с матерью умрут?» — спрашивает маменька кого-нибудь из постылых детей. «*Чай*, стыдно!» — говорит тетенька Федуляева, слушая рассказ о крещении взрослых французов в нагом виде. «Такая,

мол, у Антипки икона есть», — рассказывает Степан. «От господ, *мол*, всякую рану следует с благодарностью принять», — передает Анна Павловна рассуждения Аннушки.

«А тут, *на́тко*, обрадовалась» (указу, запретившему продажу крепостных поодиночке). Частицу *на-тко* употребляют также Павел Борисыч и Пустотелова. Анна Павловна с отцом прибегают также к междометию «*нутко*». Экзаменуя своих внуков, бабушка спрашивает: «*Нутко*, а в какой губернии Переяславль?»

Не раз мы встречаем в речи Анны Павловны частицу «*ин*»: «ну, *ин* быть по твоему» (повару Тимофею); «*ин* прах ее побери» (Маврушу-Новоторку). Очень часты в устах героев междометия «*ишь*», «*чур*», а также и литературные — «*чу*», «*фу*». «*Ишь* мясищи-то нагуляла», — говорит об одной из нянек Анна Павловна. «Только, *чур*, ни в какие распоряжения не вмешиваться», — требует она от тетенок-сестриц. Восклицание «*эхма*» употребляет не только Павел Борисыч, но и более образованный Василий Порфирыч.

Очень распространено употребление частицы «*с*» — для выражения почтительности в разговорах лакеев с господами, кавалеров с дамами. Но иногда она звучит иронически, как, например, в устах губернатора, когда он переспрашивает Струнникова: «Чего-*с*?» Большинство героев прибегают к частице «*ка*» или «*ко*», которая придает разговору характер простоты и домашности. «Свисти-*ка* да зови старосту», — говорит мужу Александра Гавриловна.

Буквально все действующие лица употребляют частицу «*то*», что также сообщает речи оттенок простоты, эмоциональности, а подчас и фамильярности. В очень редких случаях «*то*» или «*от*» является так называемым «пост-позитивным членом». Павел Борисыч говорит: «бог-*от*». Анна Павловна употребляет в своей речи и еще некоторые частицы: «кто *бишь*», «хоть бы *те*», «глядитко *те*».

Из знаменательных частей речи в словаре действующих лиц наибольшее внимание привлекает глагол, ввиду немалой наличности в нем областных, просторечных и вульгарных элементов. Здесь опять-таки нет никакой разницы между высшими слоями и народом.

Павел Борисыч говорит, что московские студенты «*чуделесят*», что Степка-балбес «*озорует*». Василий Порфирыч требует, чтобы девки не «*гамели*». Анна Павловна опасается, что отец ее «*турнёт*». Струнников спрашивает, чего там староста «*хороводится*». Золотухина удивляется, что Слепушкиной родная дочь «*разондрилась*». Братец Федос заявляет, что «не к рылу (ему) с помещиками *вожжаться*»; он думает, что Затрапезные будут «*брезговать*» кумысом. Акулина советует Матренке «*подластиться*» к жениху.

Ванька-Каин повествует о том, что князь «вдруг в самые вздохи как *звизданет* кулаком»... Федот «*упреждал*» барыню погодить с пустошами; он рекомендует «*подавывать*» коровам яровой соломки. Заболотские богатеи, угощая барыню, говорят: «*приневольтесь!*» Аннушка рассуждает, что «господа и щами, и толокном, и молоком — всем *довольят*. Сатир жалуется, что его «кашель *долит*». Широко употребляется всеми глагол «*сказывать*». Федот строго-настрого *наказывал*, чтобы никому ни гу-гу «насчет мертвого тела».

Среди имен существительных, употребляемых действующими лицами, также немало просторечных и областных. Павел Борисыч говорит «*сугрев*», «*тепльнь*», «*частьочка*». «На хозяйство часть, на сады — *частьочку*». Когда Акулина сослалась на «*жарынь*», Анна Павловна ее передразнивает: «*жарынь да тепльнь*». «Что ты *мелево* мелешь?» — обращается она к Конону. Стриженный скромно говорит о своих «*достатках*». Дворяне перед реформой ищут «*заступы*» у Струнникова с Перхуновым, а потом жалуется, что их права «*в одночасье*» продали. Заболотские «богатеи» жалуется, что в их лавчонках торг — «только *мае́та* одна». Кузьма на постоялом дворе называет Анну Павловну «*мамынька*». Девушки рассказывают, что на Украине «*убоину*» круглый год едят.

Отметим еще такие лексические особенности, как областные выражения: *по-домашеству* (Акулина), *по-просухе* (Сатир), *с полá горя* (Струнников), *на-помочь* (Анна Павловна), *на племя́* (Степан) и др. Кроме указанных ранее народно-фразеологических оборотов, назовем еще: *спокон веку* (Аннушка), *эко место* (Анна Павловна, Ермолаев), *пал слух* (исправник).

Иностранные слова подвергаются беспощадному коверканью во всех слоях общества. Павел Борисыч и Сатир говорят *шкелет*. Тот же Павел Борисыч, Анна Павловна и Кузьма говорят *ранже-рея*. Слово *пачпорт* одинаково произносят Анна Павловна и Сатир. Павел Борисыч с Пустотеловым произносят *препорция*. В словаре Анны Павловны такие слова, как *критикан*, *акцион*. Полковник Гуслицын рассказывает, что в Москве у главнокомандующего *каклеты* в папильотках подают. Помещица Корочкина мечтает, что желе скоро будет *ладиколоном* спрыскивать. Раиса Порфирьевна говорит «во всем *парате*». Ванька-Каин «*на парé*» вилку проглотил.

Из прилагательных употребляются: *ранжевый* персик (Анна Павловна), господи *милосливый* (солдат), *остатний* стог (Федот), *супротивное* слово (Аннушка), печенка *аграмадная* (Струнников), пустошоночка *залишняя* (Ермолаев). Впадая в тон своих персонажей

и сам Никанор Затрапезный пишет, что Струнниковы и в Чухломе «что было *залишнего* — все продали».

Из местоимений во всеобщем употреблении просторечные: *ихний* и *экий* с усеченными — *эка* (Аннушка), уменьшительными — *эконь-кая* (Раиса Порфирьевна).

Наконец, в ругательный словарь Анны Павловны входят: балбес, вахлак, дармоед, дурак, дылда, злец, лежебок, леший, мерзавец, нёщечко, олух, пес бесчувственный, поганец, подлец, прокурат, прорва, простофиля, рохля, саврас, старый хрен, тетеха, фордыбака, хайло, халда, хам, хамово отродье, холоп, хлебогад, шалыган, шельма, шишимора, шукура, шут, щелкопер, а также шематон.

Морфологические особенности отразились в «Пошехонской старине» значительно меньше, чем лексические. Акулина с Матренкой употребляют неопределенную форму глагола: *стеречí, беречí*. Анна Павловна и Акулина пользуются деепричастиями «устала *искавши*», «идти *пообедавши*». Анна Павловна образует краткое прилагательное *не причинна*. Она же с Акулиной пользуются усеченной формой — *не след*, а садовник Сергеич говорит: *не знай*. Павел Борисыч употребляет повелительное — *выдь*. У целого ряда действующих лиц встречается просторечное *слышь*.

Морфологическими диалектизмами являются: у Павла Борисыча — *на памятях, земляница*; у Степана — день ото *дню*. Ваньку-Каина «блamanжеем из дегтю угостили». Анна Павловна говорит сыну: «Здесь *суфлеев* да *кремов* не полагается». У Федота «уборка такая — из *годов* вон». Дворовые девушки рассказывают, что на Украине «*скирдов, скирдов* наставлено столько, словно город у околицы вырос». Струнников жалуется, что у него *делов* очень много. «Мы от хороших *делов* не прочь», — говорит Ермолаев. Тот же Ермолаев произносит: *пустошá*. Пустотелое говорит: не велики *бáра*.

Фонетический диалектизм у Анны Павловны — убийство. Севернорусское оканье отразилось в произношении слов: *батюшко* (Раиса Порфирьевна), *мужиченко* (помещики); имен: *Егорушко* (Матренка), *Сатирушко* (Анна Павловна и Аннушка, хотя последняя произносит и «Сатирушка», если только это не описка Салтыкова).

Одну из синтаксических особенностей представляет соединение единственного числа с множественным в таких обращениях Пустотелова к своим крестьянам во время полевых работ, как: *пошевеливайся, ребята; старайся, братцы; смотри, ребята; расходись по домам* (в рукописи: *расходитесь*).

Из большого круга проблем литературного языка мы выделили всего лишь три вопроса.

Это, во-первых, использование таких элементов фольклора, как пословицы, поговорки, краткие изречения. Мы видели, что Салтыков влагает их в уста представителей всех сословий старого русского крепостнического общества, причем некоторых из своих персонажей наделяет особой приверженностью к этим конденсированным формулам русской народной мудрости. Пословицы и поговорки обогащают речь многих героев романа, придают ей бóльшую выразительность и силу, сообщают ей более народный характер, хотя при всем этом нередко служат целям корысти и обмана и являются выражением праздного балагурства, прикрывают хищнические поползновения одних и паразитское «пустомыслие» других.

Вторая задача, стоявшая перед нами, — показать, с каким огромным искусством обогащает писатель речь своих героев также и другим путем, а именно — черпая из тысячелетнего словарного запаса лексики русского народного сельского хозяйства, конечно, с неизбежной, по тому времени, примесью «терминов в крепостном вкусе». Описание времен года и связанных с ними сельских работ, а также характеристики растительного и животного мира насыщены специальными, не схоластически научными, а глубоко народными, меткими и яркими словечками и оборотами, эпитетами, сравнениями, определениями и т. д. и т. п.

Мы убедились, наконец, в-третьих, что писатель поднимает целые пласты русского провинциального тяжелого и грубого просторечия (мы берем при этом слово «провинциальный» в самом широком смысле, т. е. включая сюда не только обитателей крепостнического поместья и деревни, но и жителей уездных и губернских городов да и самих столичных, московских обывателей). Нам становится вполне ясной и очевидной вся тупость, косность и топорность мысли носителей этого пошлого просторечия, с одной стороны, дворянства, купечества и чиновничества, а с другой стороны, и наиболее забитой и развращенной ими части народа, наиболее темного, патриархального крестьянства, захоластного мелкого мещанства и приобщившихся к столичной «культуре» рабочих-ремесленников.

К общерусским провинциализмам при этом примешивается некоторая доля диалектизмов, хотя писатель отнюдь не задавался целью особенно сильно развивать эту сторону речи не только рассказчика Никанора Затрапезного, но и наиболее темных и отсталых своих персонажей. Салтыков-Щедрин стремился создать картину не областного, а всероссийского масштаба.

<...>

